

УДК 94(477)“1942”

М.И. ТЯГЛЫЙ

Украина, Киев, Украинский центр изучения истории Холокоста

**ЭВОЛЮЦИЯ АНТИЦЫГАНСКОЙ ПОЛИТИКИ
В РЕЙХСКОМИССАРИАТЕ «УКРАИНА» ВЕСНОЙ – ЛЕТОМ 1942 г.¹**

На протяжении длительного времени в научной литературе дискутируется вопрос о том, какими были принципы политики немецких оккупационных властей по отношению к цыганам на оккупированной территории СССР. В последнее время исследователи этого вопроса склоняются к выводу о том, что по отношению к цыганам нацисты осуществляли ту же политику тотального истребления, что и по отношению к евреям. Например, украинский историк Александр Круглов считает, что «судьба цыган практически ничем не отличалась от судьбы евреев. Как и евреи, цыгане подлежали поголовному уничтожению лишь за их этническую принадлежность» [5]. Российский исследователь Николай Бессонов выделяет три этапа: 1) лето 1941 г. – начало 1942 г. – уничтожение цыганских кочевых таборов айнзатцгруппами полиции безопасности и СД; 2) 1942 г. – геноцид по этническому принципу, включая также уничтожение оседлых цыган; 3) с 1943 г. до конца оккупации – цыгане наряду со славянским населением становятся жертвами карательных акций против партизан [1]. Немецкий ученый Мартин Холлер разделяет мысль о тотальности уничтожения цыганского населения, отмечая, однако, что этот вывод сегодня актуален лишь для той территории, которая находилась под управлением военной администрации, то есть Вермахта [8]. Все авторы признают, что разделение на «кочевых» и «оседлых» цыган в нацистской политике на советских оккупированных землях существовало лишь на бумаге.

Что дает основание склоняться к выводу о тотальности нацистской экстерминационной антицыганской политики? Как и в других похожих случаях, здесь исследователь в значительной степени зависит от первичных источников, которые попадают в поле его внимания. В данном случае авторы активно использовали комплекс источников, который был недоступен их предшественникам – документы советской Чрезвычайной государственной комиссии по установлению злодеяний

¹ Данный текст является расширенной версией статьи: *Тяглий М. «Наказую... переслати... списки циганів»: Збір органами влади Райхскомісаріату Україна відомостей про ромів у липні 1942 р. // Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі [Науковий часопис Українського центру вивчення історії Голокосту, Київ]. – 2011. – № 1 (9). – С. 101–122.*

немецко-фашистских захватчиков (далее – ЧГК). Эти источники действительно содержат немало как персональных свидетельств, так и включенных в официальные сводные акты комиссии сведений об убийствах цыган (как и других категорий мирного населения – прежде всего евреев) в период оккупации, поскольку именно фиксация людских и материальных потерь была главной задачей комиссии. Однако при этом, отдавая преимущество только этим документам и не привлекая источники иного происхождения, исследователь попадает в определенную методологическую ловушку: выявляя многочисленные факты уничтожения в отдельной местности, он автоматически приходит к выводу о тотальности этой политики со стороны нацистов. К тому же эти источники, как правило, не содержат ни точных данных о тех, кто осуществлял убийства, ни сведений об их мотивации. Все это способствует возникновению представления о том, что оккупационная власть была единой либо что ее разные ветви действовали согласованно в выполнении намерения уничтожить цыган.

Преимущественно из этих документов на сегодняшний день складывается следующая статистика убийств цыган на землях оккупированной Украины: в зоне под управлением военной администрации нам известно около 30 случаев массовых казней цыган, в Рейхскомиссариате «Украина» (далее – РКУ) – около 60 таких случаев. Большая часть антицыганских акций приходится на 1942 год [6]. Однако следует подчеркнуть, что эту цифру и распределение по зонам оккупации следует считать условными, поскольку, во-первых, это, вероятно, лишь часть преступлений, которая была задокументированна, а во-вторых, как уже упоминалось, не всегда доподлинно известно, в чьей юрисдикции находилась та или иная местность, когда в ней происходили антицыганские акции, поскольку они осуществлялись в разное время – на протяжении и 1941-го, и 1942-го, и 1943-го года. Кроме того, имеющиеся в распоряжении исследователей документы ЧГК в подавляющем большинстве случаев не содержат сведений о том, против каких именно цыган – кочевых или оседлых – были направлены экстерминационные акции оккупантов. По текстам актов ЧГК об этом можно догадаться лишь изредка, например, если речь идет о цыганском таборе, однако, как правило, такие подробности ЧГК не фиксировала, ограничиваясь просто термином «цыгане».

Дает ли это основания для утверждения о выполнении программы тотальных убийств? Вопрос приобретает еще большую актуальность, если предположить, что гражданская администрация могла быть заинтересована скорее в использовании принудительного труда цыган, нежели в их скорейшем уничтожении (что было характерно для СС или Вермахта, поскольку военные часто были уверены в «шпионской активности» цыган,

по крайней мере кочевых). Из этого следует, что одновременно с документами ЧГК и отчетами айнзатцгрупп и армейских и полицейских подразделений следует вовлекать в научный оборот документы различных уровней гражданской администрации – РКУ, документы генеральных комиссариатов и гебитскомиссариатов, а также коллаборационистских органов местного самоуправления (городских и сельских управ), которые находились в подчинении у немецких оккупационных структур.

Именно здесь мы попадаем в наименее исследованное пространство. Каким образом формулировалась политика относительно цыган в недрах аппарата гражданской администрации – от Министерства по делам восточных оккупированных территорий в Берлине до гебитс- и штадскомиссариатов и ниже? Занимал ли «цыганский вопрос» какое-либо заметное место в дискуссиях о стратегии и тактике эксплуатации «восточного пространства» и использования местного населения? До сегодняшнего дня четкого ответа на этот вопрос дать нельзя. Благодаря исследованиям Майкла Циммерманна [14] и Гюнтера Леви известно, что вопрос о критериях «цыганской политики» в министерстве Розенберга обсуждался. 11 июня 1942 г. один из руководителей министерства д-р Отто Бройтигам информировал руководство Рейхскомиссариата «Остланд» о том, что в министерстве планируется выработать политику по отношению к цыганам на востоке. Для этого он запрашивал власти рейхскомиссариата «Остланд» о том, какой статус там имеют цыгане. «В частности, я интересуюсь, должны ли, по вашему мнению, цыгане подлежать такому же обращению, как и евреи? Также необходимы сведения о том, какой у цыган образ жизни, являются ли они оседлыми или кочевыми, каковы их занятия и насколько много среди них смешанных цыган». Такой же запрос, как сообщает Г. Леви (хотя и не приводит ссылку), был направлен и в РКУ [9].

Суммируя сказанное, отметим, что, основываясь на известной на сегодняшний день источниковой базе, мы скорее можем судить о некоторых «результатах» антицыганской политики, нежели о процессе ее формирования. Чтобы исследовать эту политику, необходим тщательный поиск в документации РКУ как в архивах Германии, так и в центральных и областных архивах современной Украины.

Ниже я хотел бы представить два документа, которые проливают дополнительный свет на позицию гражданской администрации на оккупированных украинских землях по «цыганскому вопросу». Они были обнаружены в государственных архивах Волынской и Ровенской областей, то есть тех современных областей, которые в 1941–1944 годах составляли значительную часть генеральный округ «Волынь – Подолия», одного из шести округов РКУ.

* * * * *

Перевод с немецкого:Копия!

Рейхскомиссариат «Украина»

Ровно, 8 мая 1942 г.

Па

Генеральным комиссарам

Брест-Литовска, Житомира, Киева, Николаева и Днепропетровска

Относительно: Обращение с евреями

С цыганами в целом следует обращаться, как с евреями. Распоряжение об их размещении в гетто еще последует.

Исполняющий обязанности

Подпись: Даргель

Регирунгспрезидент

Копия верна: [неразборчиво] [2, арк. 155].

* * * * *

Данный документ был обнаружен в коллекции документов гебитскомиссариата Луцк – одного из крайсгебитов генерального округа «Волынь-Подолія». Это, как и гриф документа, свидетельствует о том, что мы имеем дело не с оригиналом распоряжения из РКУ, а с циркулярным документом, который уже проследовал по меньшей мере две вертикальных инстанции: из Рейхскомиссариата в генеральный округ «Волынь-Подолія», а оттуда – в гебитскомиссариат Луцка. Документ совершенно аналогичного содержания недавно был обнаружен в архивной коллекции гебитскомиссариата Ровно [13; 3]¹. Поэтому можно с изрядной степенью уверенности предположить, что такое же распоряжение было получено и генеральными комиссарами в Киеве, Николаеве, Днепропетровске и Житомире и «спущено» в соответствующие гебитскомиссариаты этих округов.

Документ подписан Паулем Даргелем, который с 1 ноября 1941 г. одновременно стал начальником II Главного отдела (администрации) РКУ (столица г. Ровно), а в 1942 г. стал также постоянным заместителем рейхскомиссара Украины Эриха Коха, одновременно являвшегося гауляйтером и обер-президентом Восточной Пруссии. Содержание документа не позволяет создать исчерпывающего представления о конкретных мерах, которые он предписывает в отношении цыган. Однако некоторые выводы сделать можно.

¹ Благодарю д-ра Венди Лауэр (Dr. Wendy Lower) за сведения об этом документе.

Во-первых, из него следует, что гражданские власти РКУ не проводили никакой разницы между оседлыми и кочевыми цыганами, как поступали их коллеги из Рейхскомиссариата «Остланд» (напомню, что в декабре 1941 г. лишь «цыгане, кочующие по стране», были приравнены по статусу к евреям).

Во-вторых, очевидно, что май 1942 года – это тот рубеж, который отделил цыган от остального населения РКУ. До тех пор нам не известно какого-либо документального подтверждения существования отдельного интереса органов гражданской администрации именно к этой категории населения. Данный же документ создает однозначное правовое поле, руководствоваться которым предписывается местным органам власти.

В-третьих, это распоряжение совершенно недвусмысленно уравнивает статус цыган со статусом евреев в РКУ и свидетельствует об общем направлении дальнейшей политики по отношению к ним – заключении в гетто. Скорее всего, здесь имеются в виду не отдельные места изоляции, а еврейские гетто. Антиеврейская политика нацистов в РКУ уже описана в научной литературе достаточно подробно: в книгах Шмуеля Спектора [11], Карела Беркхоффа [7], Венди Лауэр [10] и других авторов показаны этапы ее эволюции и динамика «окончательного решения еврейского вопроса». Летом 1942 г. значительное количество евреев на территории РКУ было уже убито, оставшиеся трудоспособные евреи с семьями с целью трудовой эксплуатации сгонялись из небольших гетто в гетто большего размера, чтобы разделить трагическую судьбу своих соплеменников позже, в 1943 году. Гражданская администрация не располагала собственными инструментами для реализации подобных мероприятий, однако в ее, по крайней мере, формальном подчинении (фактически – в подчинении у РСХА и Гимmlера) находились силы полиции безопасности и СД, структуры высшего фюрера СС и полиции, с командирами СС и полиции для каждого генерального округа, которые в ходе выполнения подобных задач руководствовались собственным пониманием методов их решения.

Возможно, это позволяет ответить на следующий закономерный возникающий после прочтения данного документа вопрос: почему в таком случае нам до сих пор не известно о том, чтобы на территории РКУ цыган действительно направляли на поселения в еврейские гетто? Возможно, силы СС-полиции вместо того, чтобы обеспечить аресты и заключение цыган в гетто, попросту сразу убивали их в тех населенных пунктах, где находили. В некоторых случаях данное распоряжение могло опосредованно означать смертный приговор для цыган, находившихся на территории РКУ.

Почему «опосредованно»? В нашем распоряжении есть по меньшей мере одна группа источников, показывающих, что после вышеприведенного распоряжения РКУ от 8 мая по крайней мере в одном генеральном округе –

«Волынь-Подолия» с центром на тот момент в Брест-Литовске – события развивались в сторону, более благоприятную для цыган. Еще 22 апреля 1942 г. администрация крайсгебита Костополь отчиталась генеральному комиссару округа «Волынь-Подолия» в Брест-Литовск о том, что в последние дни 92 цыгана были арестованы и помещены в рабочий лагерь в Людвиполе¹. Из гебитскомиссариата Костополь сообщали, что цыгане представляют собой «тяжкое бремя» для лагеря, поскольку «сильно завшивлены» и среди них есть старики и дети. Гебитскомиссар Костополя Лёнерт (Löhnert) запрашивал генерального комиссара об инструкциях о дальнейших действиях в отношении этих цыган [13]. 9 мая 1942 г. регирунгсрат округа «Волынь-Подолия» ответил в Костополь, что общие инструкции об обращении с цыганами скоро будут даны [13]. Вероятно, после получения распоряжения РКУ от 8 мая генеральный комиссар округа «Волынь-Подолия» обергруппенфюрер СА Генрих Шёне (SA-Obergruppenführer Heinrich Shöne) подписал 15 мая следующий ответ: «Всех кочующих (*umherziehenden*) цыган в генеральном округе следует задержать и зафиксировать (*festzusetzen*). При необходимости их следует направить на полезные работы, а повозки и лошадей и тому подобное конфисковать (*sicherzustellen*)». Данный документ не содержал сведений о его адресате – непонятно, было ли оно адресовано лишь гебитскомиссару Костополя или всем гебитскомиссарам в округе. Как следует из этого распоряжения, подвергать аресту и «зафиксированию» оседлых цыган не предполагалось. Меры, которые предписывались к кочевым цыганам, не подразумевали физического уничтожения.

21 мая – вероятно, для того, чтобы ознакомить с данным постановлением все подчиненные инстанции – всем гебитскомиссариатам и городскому комиссариату Брест-Литовска из генерального комиссариата округа «Волынь-Подолия» было разослано еще одно распоряжение за подписью Г. Шёне с названием «Бродячие торговцы и цыгане». «...Всех бродячих торговцев следует немедленно арестовывать, потому что они распространяют слухи. Всех кочующих цыган немедленно поместить в тюрьму. Лошадей и повозки конфисковать и передать для рационального использования» [13].

Выше изложенные распоряжения свидетельствуют о том, что по крайней мере в одном из шести генеральных округов РКУ (документы по остальным пяти на сегодняшний день еще неизвестны) власти округа конкретизировали центральное постановление РКУ в сторону сужения определения понятия «цыган» до тех, кого могли уличить в «бродячем» образе жизни. Однако есть ли у нас свидетельства о дальнейшем продвижении «на места» этой бюрократической инициативы? Хотя бы отчасти пролить свет на процесс реализации данного распоряжения поможет

¹ Ныне – поселок Сосновое Березновского района Ровенской области в Украине.

еще один нижеследующий документ. Вернее, это серия документов. Это бумаги едва ли не самого низшего уровня властной структуры РКУ – районной управы в селе Высоцк в крайсгепите Столин, одной из многих районных управ генерального округа «Волынь – Подолия» в РКУ. В нашем распоряжении всего 11 документов, первый из которых представляет собой приказ председателя районной управы Высоцка от 10 июля 1942 г., адресованный подчиненным ей сельским управам, предоставить, в соответствии с полученным несколько дней назад из гепитскомиссариата распоряжением, сведения о наличии цыган на территории сельских управ. Остальные документы содержат ответы сельских управ на этот запрос, сообщая, что цыган на подведомственной им территории не имеется.

* * * * *

Перевод с украинского:

Районная управа в Высоцке

Отдел: орг.[анизационный]

10.VII.1942 г.

№ 9/42

Председателям сельских управ

В соответствии с распоряжением г-на гепитскомиссара от 7 июля 1942 г. приказываю немедленно прислать со специальным курьером списки цыган, которые находятся на вашей территории – как проезжих, так и постоянно у вас проживающих. Списки предоставить по следующей форме:

1. Фамилия и имя.
2. Отчество.
3. Год рождения.
4. Место рождения.
5. С какого времени проживает в селе.
6. Занятия (полученная специальность).
7. Сколько имеет земли.
8. Когда прибыл в село.
9. Из какой местности прибыл.
10. Настоящий цыган или смешанный.

Если в селе или вокруг села цыган нет – следует также информировать об этом в районную управу, что цыган нет.

Срок – до 15 июля.

Председатель района [4, арк. 2].

* * * * *

О чем свидетельствует этот документ?

Прежде всего о том, что цыгане для оккупационных властей стали представлять предмет особого интереса (подобно другой категории местного населения, в адрес которой предусматривалось «особое отношение» – евреи). Необходимо отметить, что регистрация цыган в данном случае не была частью более общих регистрационных мероприятий по отношению ко всему населению. В сельской местности все жители, как правило, регистрировалось старостами сельских общин еще в начале оккупационного периода согласно «Служебному наставлению старостам и городским головам по части регистрации населения и выдачи удостоверений личностям». По этой инструкции, все жители села должны были быть зарегистрированы в одном списке, кроме «жидов», партизан, пленных красноармейцев, уголовных элементов и бывших членов коммунистической партии, которых следовало регистрировать по «особому списку». Во время этой первой регистрационной волны цыгане в отдельную категорию выделены не были, в связи с чем теперь, в июле 1942 года, потребовалась их повторная, уже отдельная, регистрация.

Во-вторых, можно предположить, что этот документ является следствием реализации распоряжения РКУ за подписью Даргеля от 8 мая и распоряжения округа «Волынь-Подолія» от 21 мая, которые мы описали выше. Возможно также, что эти документы подтверждают, что запрос, который был направлен из Министерства оккупированных восточных территорий в Рейхскомиссариат «Остланд», был действительно направлен также и в РКУ. Косвенно об этом свидетельствует схожесть вопросов в письме Отто Бройтигама с теми пунктами, которые содержатся в приказе районной управы Высоцка: и в письме, и в приказе запрашиваются не просто статистика численности цыган, но и сведения об их образе жизни (кочевые либо оседлые), о профессиональных занятиях и, что весьма важно, о том, являются ли они «чистыми» или «смешанными». Этот последний пункт наиболее отчетливо свидетельствует, что регистрация в Высоцке проводилась не по решению местной администрации, а являлась именно инициативой из Берлина, поскольку в ней отчетливо проявляются расовые мотивы, в соответствии с которыми политика в отношении цыган проводилась в самом Рейхе. Вероятно, что в дальнейшем по отношению к этим выявленным двум группам украинских цыган – «чистым» и «смешанным» – планировалось проводить дифференцированную политику, как это уже и делалось в самом Рейхе.

В-третьих, приказ из районной управы упоминает о наличии соответствующего распоряжения гебитскомиссара (напомним, речь идет о крайсгевите Столин). Документов, которые бы свидетельствовали о

выполнении подобных запросов по другим районным управам гебита Столин или по другим крайсгебитам генерального округа «Волын-Подолия», пока не выявлено. Однако навряд ли можно считать, что кампания по сбору сведений о цыганах была инициирована лишь в одном крайсгебите: наличие лишь одного свидетельства по только одной линии «гебитскомиссариат – районная управа – сельские управы» дает основания предположить выполнение масштабной акции по сбору данных о цыганах если не в границах всего РКУ, то по меньшей мере в генеральном округе «Волын-Подолия». Эти свидетельства стимулируют нас к более активному поиску в архивах ответа из Ровно в Берлин, в котором бы обобщались полученные данные, ответа, который, в свою очередь, играл бы не последнюю роль в формулировании политики по «цыганскому вопросу» в министерстве Розенберга и в Рейхе в целом.

Что немаловажно, эти документы также демонстрируют, что определенная часть работы по подготовке к «особому обращению» (каким бы оно ни оказалось в итоге) была возложена на местные органы власти – от них зависело, предоставлять ли сведения о цыганах немецкой оккупационной власти. Это ставит перед исследователями вопросы о степени готовности – и степени ответственности сельских старост и других представителей низшего звена административного аппарата за предоставление сведений о местных цыганах оккупантам. Это, в свою очередь, поднимает вопросы о том, насколько местные чиновники знали о том, что грозит цыганам в случае предоставления немцам сведений о них, а также о том, было ли у них желание ценой определенного риска оставить своих этнических соседей либо по каким-либо причинам избавиться от них. Российский цыгановед Н. Бессонов приводит многократные примеры того, как местные власти сознательно шли на утаивание сведений о проживавших на их территории цыганах. История нацистской политики в Крыму показывает, что в Джанкойском районе на севере Крымского полуострова в некоторых селах исламизированные цыгане-чингене были уничтожены после того, как старосты предоставили сведения о них как о цыганах прибывшему в село карательному подразделению СД – в то время как в других селах того же района они остались живы, так как старосты тех сел не предоставили немецкой администрации сведения о «своих» цыганах, выдавая их, как правило, за татар [12]. С чем это было связано? По одному из предположений, сельская администрация могла действительно искренне считать их скорее татарами (опять же в силу религиозно-культурной схожести с последними). По другому предположению, старосты этих сел могли догадываться о том, что грозит этим цыганам, и поэтому отважились на подобную фальсификацию. Исходя из выше изложенного, можно заключить, что ответы сельских

управ об отсутствии цыган на их территории вовсе не обязательно могли означать реальное отсутствие их там.

Подводя итоги, отметим: мы не знаем, какими были непосредственные результаты всех вышеописанных бюрократических инициатив гражданской администрации. Очевидно, что весной – летом 1942 года цыгане были выделены оккупационными властями в отдельную группу, для которой власти начали поиски подходящего, по их мнению, статуса и мероприятий в отношении них. Документы по крайней мере одного из шести генеральных округов РКУ говорят о том, что гражданские власти не были заинтересованы в физическом уничтожении всех цыган, находившихся в сфере их контроля. Оседлые цыгане, интегрированные в окружающие социально-экономические структуры, в них вообще не упоминаются. Применительно к «кочевым» предполагались меры по их изоляции и устранению, но не убийству.

Однако что нам известно о конечных результатах оккупационной политики? Если говорить о территории генерального округа «Волынь – Подолия», то из документов ЧГК известно, что в пределах этого генерального округа в поселке Сарны (административном центре соответствующего крайсгебита по соседству со Столином) 26 августа 1942 г. было убито около 200 цыган, в с. Воронки Владимирецкого района – 15 цыган. В соответствии с итоговым отчетом ЧГК по Ровенской области, среди убитых в Сарненском районе насчитывалось 200 цыган. На территории современной Волынской области первый известный случай убийства цыган – 2 июня 1942 г., когда у с. Шиловода немецкая жандармерия расстреляла 64 цыгана. В м. Камень-Каширском 17 августа 1942 г. цыган расстреляло подразделение СД. СД г. Ровно отчиталась о том, что в Камень-Каширском и Ковеле в совокупности были подвергнуты «особому обращению» 76 цыган. Около 40 цыган было убито в 1942 году в поселке Ратно, около 50 – весной 1943 года у села Заболотье. В 1943 г. около 60 цыган были убиты у села Выдерта Камень-Каширского района.

Эта трагическая статистика, охватывающая период 1942–1943 годов, служит доказательством в пользу следующих выводов: либо позиция гражданской администрации в отношении цыган не всегда была последовательной и претерпела ужесточение со временем и по мере прохождения бюрократической инициативы от руководящих органов к исполнителям «на местах», либо, что представляется более вероятным, ответственность за то, какой окончательный смертоносный вид приобрела эта политика, следует возлагать не на органы гражданской администрации Рейхскомиссариата «Украина», а на силовые структуры полиции безопасности и СД и прочие формирования СС, которые функционировали в пределах данного административно-территориального образования.

1. Бессонов, Н. Геноцид цыган Украины в годы Великой Отечественной войны / Н. Бессонов // Рома в Україні. Историчний та етнокультурний розвиток цыган (рома) України (XVI–XX ст.) : матеріали Міжнар. круглого столу, 3 лист. 2006 р., м. Донецьк. – Севастополь: Вебер, 2006. – С. 4–28.
2. Державний архів Волинської області. – Фонд Р-2. – Оп. 1. – Спр. 8-б.
3. Державний архів Рівненської області. – Фонд Р-22. Рівненський гебітскомісаріат.
4. Державний архів Рівненської області. – Фонд Р-57. – Оп. 1. – Спр. 1.
5. Круглов, А. Геноцид цыган в Украине в 1941–1944 гг.: статистико-региональный аспект / А. Круглов // Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі. – 2009. – № 2 (6). – С. 111.
6. Тяглий, М. Нацистська окупаційна політика та доля ромів України / М. Тяглий // Україна у Другій світовій війні: Погляд з XXI століття. – Київ : Наукова думка, 2011. – Кн. 2. – С. 864–897.
7. Berkhoff, K. Harvest of Despair. Life and Death in Ukraine under Nazi Rule / K. Berkhoff. – Cambridge, MA – London : Harvard University Press, 2004. – 463 p.
8. Holler, M. Der nationalsozialistische Völkermord an den Roma in der Besetzten Sowjetunion (1941–1944) / M. Holler. – Heidelberg, 2009. – 142 s
9. Lewy, G. The Nazi persecution of the Gypsies / G. Lewy. – Oxford – New York, 2000. – P. 125.
10. Lower, W. Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine / W. Lower. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2005. – 307 p.
11. Spector, Sh. The Holocaust of Volhynian Jews, 1941–1944 / Sh. Spector. – Jerusalem : Yad Vashem ; The Federation of Volhynian Jews, 1990. – 383 p.
12. Tyaglyy, M. Were the “Chingene” Victims of the Holocaust? The Nazi policy toward the Crimean Roma / M. Tyaglyy // Holocaust and Genocide Studies. – 2009. – Vol. 23, No. 1. – P. 41.
13. United States Holocaust Memorial Museum Archives (далее USHMMMA). – RG-31.017M. – Reel 3.
14. Zimmermann, M. The Soviet Union and the Baltic States, 1941–44: the Massacre of the Gypsies / M. Zimmermann // The Gypsies during the Second World War. – Vol. 2 : In the Shadow of the Swastika / ed. D. Kenrick. – Hatfield, 1999. – P. 147.